

Пищелуха В. Г.

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры искусствознания и общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРОПЫ

(К 100 – летию выхода книги Освальда Шпенглера «Закат Европы»)

Исчезающий с каждым мгновеньем,
Ты горишь, как смолистые ветки.
Обретешь ли свободу в гореньи
Иль себя ты утратишь навеки?
Будет пепел лежать, остывая,
И с зарею исчезнет бесследно,
Иль под пеплом алмаз засверкает,
Как предвестие вечной победы?
Циприан Норвид (1821 – 1883)

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции развития европейской цивилизации на рубеже XIX – XX веков, которые составили исторические и духовные истоки книги О.Шпенглера. Вместе с тем, текст этой статьи может быть материалом для аллюзий относительно современного состояния Европы.

Ключевые слова: европейская цивилизация, отчуждение, массовое общество, первая мировая война, алармизм, европейская интеграция, исторические аналогии.

Одним из важнейших результатов первой мировой войны явилось расширение и углубление кризиса европейской цивилизации. В области культуры он стал остро ощутим и получил свое осмысление уже на рубеже XIX и XX веков. После Великой войны кризис, охватив также сферы экономики и политики, приобрел всеохватывающий характер и наложил сильнейший отпечаток на сознание европейцев. Только осознав содержание этого феномена европейской истории, мы можем понять причины возрождения европейской идеи в 20-е годы XX века и оценить в должной мере значимость усилий, которые были предприняты несколькими поколениями европейцев ради будущего своего континента.

До 1914 г. в Европе, в целом, преобладало настроение исторического оптимизма, которое было в то время характерной чертой западной цивилизации и гарантией ее неуклонного прогресса. Оно основывалось на выдающихся достижениях науки и техники, успехах индустриализации, растущем уровне жизни, повсеместной демократизации политического строя, повышении уровня грамотности

масс, уверенном лидерстве Европы в мире.

Но эти, столь радовавшие людей Запада изменения, сопровождались тем, что жизнь становилась все более динамичной, изменчивой и непредсказуемой. В самом начале XX века австриец Зигмунд Фрейд выдвинул теорию бессознательного, что радикально изменило понимание человеческой психики, а затем Альберт Эйнштейн опубликовал теорию относительности, которая подорвала ньютоновскую стабильность внешнего мира человека. В 1913 г. французский писатель Шарль Пегг отметил: «Со времени Иисуса Христа мир изменился меньше, чем за последний 30 лет» [1]. Снова повторился кризис человеческого мировосприятия, рухнула стабильность окружающего мира подобно тому, как это произошло после переворота в астрономии, осуществленного Коперником (1473 – 1543) и Галилеем (1564 – 1642). Приведем лишь одно свидетельство тех лет:

*Все в новой философии – сомненье:
Огонь былое потерял значенье.
Нет Солнца, нет земли – нельзя понять,
Где нам теперь их следует искать.
Все говорят, что смерть грозит природе,
Раз и в планетах и на небосводе
Так много нового; мир обречен,
На атомы он снова раздроблен,
Все рушится, и связь времен пропала,
Все относительно отныне стало...
*Джон Донн (1572 – 1631)**

Происходившие изменения сопровождались диспропорциями и противоречиями, которые становились все более ощутимыми и внушали, пока

еще только в узком кругу наиболее дальновидных людей, тревогу и беспокойство. Например, образование стало общедоступным и уровень грамотности в большинстве европейских стран необычайно возрос. Во Франции в 1871-1875 гг. среди вступающих в брак доля тех, кто смог сам расписаться в брачном контракте, составила 72%, школьные законы 1881 и 1882 гг. отделили образование от церкви и ввели обязательное бесплатное обучение до 13 лет [2, с. 1444], в Германии количество неграмотных жителей старше 10 лет составляло 1.5%, в Англии – 15% [3, с. 35].

Но массовое поверхностное образование, с одной стороны, усиливало социальные претензии широких слоев общества, приоткрывало перед ними завесу полноценной жизни, а с другой – не создавало реальной возможности достижения жизненного успеха. Такая ситуация являлась питательной основой для озлобления масс и давала возможность демагогам и радикалам использовать их грамотность для распространения своих взглядов. Инструментом эффективной манипуляции массовым сознанием населения в нач. XX в. явились дешевые ежедневные газеты, они стали возможными в результате изобретения ротационных машин, которые использовали дешевую бумагу из древесины в рулонах. Современники отмечали, что «пока газета являлась роскошью и была принадлежностью богатых классов, буржуазия сохраняла монополию политической жизни...; остальное население вмешивалось в общую жизнь лишь путем восстаний. Дешевая пресса направила на эту инертную массу поток политической пропаганды и этим положила начало политическому воспитанию народа...» [4, с. 649]. Дополним, политического воспитания очень многопланового: от либерально-буржуазного и социал-демократического до националистического и фашистского.

На фоне кажущегося европейского благополучия, как сирены в туманном море, стали раздаваться голоса тревоги – со второй половины XIX века с нарастающей интенсивностью происходит осознание надвигающегося кризиса Европы. Первым, кто поставил впечатляющий диагноз болезненного распада европейской духовности, девальвации и «переоценки всех ценностей», был немецкий философ Фридрих Ницше, который в присущем ему стиле заявил: «Здесь сижу я и жду; все старые, разбитые скрижали вокруг меня, а также новые, наполовину исписанные» [5, с. 141] («Так говорил Заратустра», 1883-1884); «Я знаю свой жребий. Когда-нибудь с моим именем будет связываться воспоминание о чем-то чудовищном – о кризисе, какого никогда не было на земле, о самой глубокой коллизии совести, о решении, принятом *против* всего, во что до сих пор верили,

чего требовали, что считали священным» [5, с. 762] («Ессе Номо», написана в 1888 г., впервые издана в 1908 г.).

Одним из первых, кто достаточно глубоко и системно попробовал осмыслить кризисное состояние европейской цивилизации, был французский социолог Макс Нордау, чья книга «Вырождение» (1892 – 1893) получила широкую известность и вызвала острый интерес современников. На ее страницах автор утверждал, что бурное научно-техническое и социально-экономическое развитие европейских стран, нарастающее сосредоточение населения в крупных городах, резко усилившее психологические стрессы, привело людей к своеобразному социальному «утомлению», которое тогда принято было называть настроением «конца века» (*fin de siècle*). Оно охватило значительную часть общества, прежде всего его образованную часть, и проявлялось в унынии, безотчетном страхе, предчувствии гибели привычного уклада жизни и равнодушии к этой перспективе, в отречении от традиций и возведением в норму того, что еще недавно расценивалось как аморальное и уродливое, в увеличении количества людей, подверженных истерии и психопатии. Накануне первой мировой войны в Европе уже повсеместным было понимание того, что «целый период истории, видимо, приходит к концу и начинается новый. Все традиции подорваны, и между вчерашним и завтрашним днем не видно связующего звена» [7, с. 26].

Действительно, во второй половине XIX в. происходил гигантский по своему значению процесс формирования европейского индустриального общества с доминированием промышленного производства над аграрным, города над селом, с центральной ролью науки и техники, быстрым размыванием традиционной социальной структуры и т.д. На протяжении жизни одного поколения условия человеческого существования разительно изменились. Бурно шло переселение людей из села в город: если в 1850 г. только 6.4% населения мира проживало в городах численностью 20 тыс. жителей и более, то в 1900 г. – 13.6%; к 1891 г. в Германии, Англии и Франции в больших городах жило 21 млн. человек, тогда как в 1840 – 4.8 млн. [8]. Квартирное строительство не поспевало за таким массовым притоком людей в город, повсеместно возникали целые районы бараков, в которых люди жили в ужасных условиях. Усиление интенсивности жизни человека индустриального общества выразилось также в том, что он стал много больше работать, чаще совершать поездки за пределы своего родного города, через ежедневные газеты, новые книги, письма на него обрушился поток информации. Изменились правила «социальной

игры» в обществе: теперь уже не происхождение, а личные качества, успех и деньги определяли в массе положение индивидуума. Дворянство теряло свои позиции, «старый» средний класс – крестьяне, ремесленники, торговцы испытывали нарастающее давление со стороны крупного капитала и усиливающегося пролетариата, появилось многочисленное «новое» среднее сословие – служащие, которые ориентировались на буржуазию, но фактически мало чем отличались от рабочих. Жизнь человека становилась все более динамичной и напряженной, его пребывание в условиях городской цивилизации сопровождалось постоянным психическим негативным напряжением. Это в свою очередь стимулировало значительное увеличение потребления табачных изделий и алкоголя. Особенно острый общественный резонанс и обеспокоенность вызвало невиданное усиление самоубийств. Например, в Пруссии в 1865 г. на 10 тыс. жителей приходилось 63 самоубийства, а в 1883 г. – 109 [9, с. 47]. Такой стремительный рост суицидальных настроений вызвал интерес в науке. Наиболее знаменитым исследованием явилась книга французского социолога Эмиля Дюркгейма «Самоубийство» (1897), в которой он, в отличие от своих предшественников, увидел в суицидах не моральную (греховность) и даже не психическую проблему, а следствие социальных условий жизни индивидуума: слабая интеграция в «свою» социальную группу, одиночество, «социальная усталость» и т.д. «Если разрываются узы, соединяющие человека с жизнью, то это происходит потому, что ослабляется связь его с обществом» [10, с. 276].

Как мы уже отмечали, первыми ощутили новые тенденции в духовном надломе европейской цивилизации деятели литературы и искусства, которые в своем творчестве одновременно и отражали эти процессы и были их ярким воплощением. Так, индустриализация, урбанизация, стандартизация условий жизни и другие факторы привели во второй пол. XIX в. к началу превращения социально и духовно многоликого общества, состоящего из *индивидуумов*, в толпу, в массу, состоящую из определенного типа людей. В полной мере это явления проявит себя позже и получит блестящее описание в одной из наиболее значимых книг XX века «Восстание масс» (1930) Ортега-и-Гассета: «Масса – это множество людей без особых достоинств... Масса – это средний заурядный человек... Человек массы – это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, ...кто чувствует, что он – «точь-в-точь как все остальные», и притом несколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все» [11, с. 121].

На рубеже веков в развитии западной культуры сложилась парадоксальная ситуация: с одной сто-

роны, никогда ранее не было такого множества художественных течений и столько ярких творческих личностей, а с другой, наличие ярко выраженного единого знаменателя, состоящего, по словам Ортега-и-Гассета в том, что новое искусство «состоит целиком из отрицания старого».

Одним из проявлений разрыва с традициями европейской культуры, а это был своеобразный символ разрыва и с другими собственными органическими традициями, стало увлечение и заимствование из инородных, чуждых культур. Устав от себя самой и творчески исчерпавшись (иссякнув), Европа, обратилась, например, к примитивным и варварским культурам Океании и Африки. Общее настроение того времени мексиканский художник Диего Ривера, долго живший в Париже, выразил следующим образом: «Искусство в Париже никому не нужно. Умирает Париж, умирает искусство... Искусству необходимо хлебнуть глоток варварства. Негритянская скульптура спасла Пикассо... Нужна школа дикости... Европа издыхает. Придут американцы, азиаты, африканцы...» [12, с. 294, 295].

Одним из наиболее творчески ярких и лично последовательных примеров поиска смысла жизни и новых художественных открытий явился поступок французского художника – постимпрессиониста Поля Гогена. Разочаровавшись в европейской индустриально-городской цивилизации, с ее дисгармонией, отчужденностью и человеческим одиночеством, он в 1891 г. навсегда уезжает на острова Океании. Под впечатлением соприкосновения с первобытной цивилизацией, Гоген создает большой цикл полотен, наполненных ощущением первозданного рая, в котором живут в полной гармонии с природой цельные и счастливые люди.

Но нас все же больше интересует не то, что искал Гоген, а то, от чего он ушел. Помочь в этом может одна из картин Пабло Пикассо, которая резко контрастирует со спокойными и умиротворенными идиллиями Гогена. Речь идет о первой программной работе кубизма, одного из множества течений модернизма, которая называется «Авиньонские девицы» (1907). Используя художественные приемы примитивной африканской скульптуры, художник создал пять женских образов, в которых традиционные представления об индивидуальности человеческой личности, красоте и гармонии переходят в свою противоположность: ненужность индивидуального предмета творчества и условность человека, демонстративное огрубление и деформирование образа, потеря человеком своей естественности и стремления к идеалу. Если верно, что искусство – это форма диалога человека со своим временем, можно сделать весьма определенные выводы о той эпохе, когда

создавались «Авиньонские девицы» и усмотреть в этих гротескных карикатурных ликах таящуюся угрозу человечности и гуманизму, проникнуться теми ощущениями, которые возникают при чтении строк Александра Блока:

*Двадцатый век...еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

.....
*И черная земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.*

Столь же впечатляющая картина интеллектуального кризиса европейцев предстает на страницах литературных произведений. В условиях «fin de siècle» особенно большой популярностью среди европейцев пользовались три великих скандинава: норвежцы Генрик Ибсен (1828 – 1906) и Кнут Гамсун (1859 – 1952), швед Август Стриндберг (1849 – 1912). Они испытали на себе воздействие философии Ф.Ницше, их герои – одинокие, сильные индивидуалисты, стремящиеся к самореализации, они отрицают современное им общество и стремятся к полному единению с природой. Как лейтенант Глан, герой романа Кнута Гамсуна «Пан» (1894), который обостренно чувствует нарастающую дисгармоничность мира, банальность и меркантилизм повседневной жизни и приходит к окончательному выводу: «Ничто не мучит, не гнетет меня, мне бы только уехать, куда – и сам не знаю, но подальше, может быть, в Африку, в Индию. Потому что я могу жить только совсем один, в лесу» [13, с. 541].

Таким образом, кризис Европы начался а/ в духовной сфере, б/ еще до первой мировой войны. Окончательно дальнейшая судьба Европы, как цивилизации с тысячелетней историей, была поставлена под вопрос после неё, когда кризис приобрел всеохватывающий характер, распространившись на экономику, политику, международное положение Европы.

Вспомним, что к 1914 г. Европа как цивилизация и континент занимала доминирующее положение в мире. Начиная с эпохи Великих географических открытий, т.е. с конца XVв., европейцы постоянно усиливали свою экспансию в Америке, Азии и Африке, которая в последней четверти XIX века привела к разделу значительной части мира между великими европейскими державами. Как писал французский историк Фернан Бродель: «От рынка до колонии всего один шаг. Достаточно того, чтобы эксплуатируемый стал хитрить или про-

тестовать: завоевание не заставит себя ждать» [14, с. 116]. Правда, во второй половине 90-х годов XIX века началась японская экспансия в Азии и американская в бассейне Тихого океана, что вызывало беспокойство европейцев, но не представляло пока что непосредственной угрозы их интересам.

Вступив первой на путь индустриальной модернизации и научно-технического прогресса, Европа обеспечила себе экономическое и финансовое превосходство в мире. Благодаря этому, она активно осваивала внешние рынки, непрерывно наращивая экспорт своих товаров. Так, в Великобритании общая стоимость экспорта в 1870 – 1910 гг. выросла на 200%, в Германии в 1897 – 1913 гг. на 170%; Южная Америка покупала у европейских держав 61% своего импорта, Африка – 72%, Индия – 80%. В свою очередь, европейские страны покрывали ок. 50% своих потребностей в сырье и продуктах питания из неевропейских стран [15, с. 9]. Для организации производства, строительства железных дорог и портов, организации торговли, предоставления внешних займов и т.п. европейские государства осуществляли широкомасштабный вывоз капиталов: «В целом английские, французские и германские инвестиции вне Европы достигали в 1914 г. по крайней мере 125 млрд. золотых франков, а возможно и 160 млрд.» [16, с. 11].

В XIX в. в Европе происходил демографический взрыв, вызванный снижением уровня смертности и повышением рождаемости, что в свою очередь явилось результатом успехов в общественном здравоохранении и улучшения условий жизни. Если численность населения европейского континента, включая Россию, в 1800 г. составляла примерно 190 млн., то в 1900 г. – ок. 420 млн. [17, с. 296]. Быстрое увеличение численности населения Европы сопровождалось невиданным ранее исходом европейцев на другие континенты: 1900 г. – ок. 800 тыс. эмигрантов, 1905 г. – 1.2 млн., 1913 г. – 1.35 млн., в период 1900 – 1914 гг. Европу покинуло ок. 20 млн. человек. Часть из них вернулась обратно, поэтому ученые оценивают количество эмигрантов за 14 лет примерно в 11 – 12 млн. [18, с. 13].

Пример Европы, как наиболее модернизированного континента, экспорт капиталов и европейская эмиграция способствовали не только ускоренному экономическому развитию многих регионов мира, но и широкому распространению европейских политических идей и культуры, утверждению европейского образа жизни. В большинстве тогдашних стран мира политический либерализм воспринимался как синоним прогресса, именно его идеи составляли главный вектор политических процессов от Китая (Сунь Ятсен) до Турции («младотурки»), от Японии (революция Мэйдзи) до Латинской Америки (формальное заимствование конститу-

ционного права Европы и США), не говоря уже о Канаде или Австралии. В большей части мира, за исключением Китая, Японии и мусульманских стран, Европа доминировала в литературе, философии, искусстве, в стандартах образования. Даже по отношению к США Париж в начале XX в. все еще был «центром американского искусства». Но и в наиболее культурно «закрытых» от европейского проникновения регионах мира представители образованной части общества, как правило, знали европейские языки, путешествовали по Европе и были знакомы с ее культурой. Например, Сунь Ятсен окончил английское высшее учебное заведение в Гонконге и много лет жил в Европе и США, выдающийся японский писатель Акутагава Рюноске окончил отделение английской литературы и языка Токийского университета и т.д.

Одним из наиболее впечатляющих символов европейской гегемонии были Всемирные выставки. Первая состоялась в Лондоне в 1851 г. с целью демонстрации «новых технологий и новых отраслей промышленности». Но самой грандиозной и значительной с точки зрения демонстрации европейского превосходства была Всемирная выставка 1900 г. в Париже, которая привлекла более 50 млн. посетителей. Выставка располагалась на огромном пространстве вдоль набережных Сены от Трокадеро до площади Конкорд и начиналась с монументальной колоннады, которая символически открывала новое столетие. Парижская выставка 1900 г. стала своеобразным смотрам достижений цивилизации и апофеозом «*belle époque*» («прекрасной эпохи»), охватившей два последних десятилетия перед первой мировой войной. Содержание исторического понятия «*belle époque*» включало в себя не только блеск, стильность, изысканность вкуса в образе жизни, который культивировали зажиточные европейцы, но также уверенность в завтрашнем дне, исторический оптимизм, основанный на европейском превосходстве, научно-техническом прогрессе, поступательном развитии экономики, повышении общего благосостояния, совершенствовании политических институтов и улучшении общественных нравов.

Одним из итогов многовековой европейской экспансии явилось формирование, по меньшей мере, двух представлений о роли Европы в мире, глубоко укоренившихся на всех уровнях общественного сознания.

Первое состояло в убеждении, что Европа является синонимом цивилизованности и любые формы европейского влияния на народы других континентов имеют прогрессивное значение. Эта идеология одновременно оправдывала и героизировала колониализм и империализм, возводя их на уровень исторической миссии, которую судьба

возложила на европейцев. Афористично эту идею сформулировал английский поэт Редьярд Киплинг фразой «бремя белого человека»:

*Несите бремя белых,
Сумейте все стерпеть,
Сумейте даже гордость
И стыд преодолеть.*

Второе представление – это европоцентризм, который «сводится к тому, что, используя в действительности только западное, европейско-американское развитие, выдают живущих в этих границах людей за человечество, а само это развитие – за всемирную историю и развитие мира» [19 с. 608]. Знакомство с европейскими учебниками истории, научными монографиями, иной исторической литературой XIX и, отчасти, XX веков свидетельствует, что история народов Азии, Африки и Америки в них практически отсутствует, а если и появляется, то главным образом в связи с их прикосновением с европейцами.

Таким образом, в начале XX в. Европа выступала перед миром не только в лице отдельных своих государств, но и как определенное целостное явление. Осознание принадлежности отдельной страны или индивидуума к этой могучей, процветающей общности вселяло в них чувства гордости, самоуверенности, но также и понимание истины, что судьба каждой европейской страны зависит от состояния Старого континента в целом.

Первая мировая война и последовавшие за ней события со всей очевидностью подтвердили взаимосвязь и взаимозависимость всех европейских стран в рамках Европы – в этой войне не было победителей, но был один побежденный – Европа. К непосредственным страданиям и ужасам войны прибавилось постоянно усиливающееся ощущение и понимание того, что Европа теряет свою прежнюю ведущую роль в мире, что она распадается и от этого пострадают *в с е* ее народы. В течение XX века европейское сознание будет преследовать опасение перед возможным будущим, о котором французский поэт Поль Валери предупредил в своей знаменитой фразе: «Наша цивилизация знает теперь, что она смертна... Станет ли Европа тем, чем она является в действительности, то есть маленьким мысом Азиатского континента?».

Начиная с первых послевоенных лет и в течение многих последующих десятилетий Европа в целом – и составляющие ее государства каждое в отдельности – неуклонно теряла свой прежний мировой статус во всех сферах жизни.

Первым прямым последствием войны явился раскол Европы в результате большевистской революции в России. Россия, которую Дж. Кейнс как-то

назвал «красивым и беззаботным младшим чадом европейского семейства», выпала из однородной системы европейских ценностей.

Ситуация еще больше усложнилась, когда появились фашистские государства. При всех различиях между интерпретациями фашизма, они не могут устранить тот факт, что зарождение предпосылок тоталитаризма явилось составной частью нарастающего кризиса западной цивилизации, угрожавшего ей распадом и перерождением. Вспомним два знаменитых произведения мировой литературы XX века, на страницах которых поставлен диагноз этой болезни, далеко не излеченной и по сей день. Немецкий писатель Альфред Деблин в романе «Берлин – Александерплац» (1929) через судьбу «маленького человека» Франца Биберкопфа ... описал стадные инстинкты толпы, нравственно неустойчивой и жаждущей «сильной руки». Француз Луи-Фердинанд Селин в романе «Путешествие на край ночи» (1936) с медицинской точностью исследовал перерождение личности под влиянием индустриальной цивилизации. Когда герой романа Фердинанд Бардаму пытается заикнуться о том, что он личность, звучит ответ, в котором слышен голос века: «Здесь, друг мой, ваше образование вам не понадобится! Вы прибыли сюда не думать, а совершать движения, которые вам велят выполнять... Мы не нуждаемся в воображении... Нам нужны шимпанзе... Никогда не говорите нам о своем уме! За вас будут думать другие...! Запомните это!» [20, с. 215].

Таким образом, в Европе возникло не просто три типа сосуществующих политических систем, а возник глубочайший всеохватывающий непримиримый раскол. Как констатировал французский историк Жан-Батист Дюрозель, «... между либеральными, фашистскими и коммунистическими режимами противоречия, взятые попарно, являются всеобщими. Этот вид трехстороннего поединка, где разыгрывается судьба наций. Что лучше для демократа: вступить в союз с фашистами против коммунистов или с коммунистами против фашистов?... Мир перед 1914 г. никогда не имел подобных противоречий, даже между французской Республикой и царским самодержавием.» [21, с. 176-177].

Противостояние между тремя враждебными идеологиями в Европе обернулось второй мировой, а затем «холодной войной», которые истощали человеческие и материальные ресурсы континента, подрывали веру европейцев в свое будущее.

Хотя первая мировая война проходила преимущественно на полях Европы, в послевоенном устройстве мира, в отличие от Венского конгресса, впервые приняла участие новая мировая сила – США. Парижская мирная конференция и Ва-

шингтонская конференция по проблемам Дальнего Востока (1921 – 1922), планы Дауэса (1924) и Янга (1929) по вопросам репараций – эти важные международные события очевидно демонстрировали возрастающее влияние США на европейские дела. Более того, уклонение США от активного участия в европейских политических процессах, как это было с Лигой Наций или в результате возврата к американскому изоляционизму в 30-е годы, имело негативные последствия для Европы – она уже была неспособна обойтись без сильного внешнего арбитра и покровителя в лице США.

Война положила начало растущей финансово-экономической зависимости Европы от США и их доминированию в мировой экономике: «В 1919 г. доверие к европейцам вне Европы уступило место огромным долгам. Огромная часть европейских инвестиций в Северной и Южной Америке исчезли, ибо они были использованы на финансирование войны. В 1914 г... США не были подлинно мировой державой. В 1919 г. они отдавали себе в этом абсолютный отчет» [22, с. 345]. Европейские державы вынуждены были не только продать значительную часть своих зарубежных инвестиций, но и взять огромные кредиты у США: общий долг Англии, Франции, Италии, Бельгии и других стран – союзников (кроме России) составил в 1919 г. ок. 1.9 млрд. фунтов стерлингов [23, с. 125]. Проблема долгов европейских государств Соединенным Штатам и выплата репараций Германией осложняла экономическое развитие Европы вплоть до 1933 – 34 гг., когда их выплата была прекращена в одностороннем порядке как бывшими союзниками США, так и Германией (из суммы в 132 млрд. марок золотом, определенной на конференции в Лондоне в 1921 г., Германия фактически выплатила всего 22.8 млрд. марок).

Растущая экономическая зависимость европейских стран от США была обусловлена не только военными долгами и финансовыми потерями, но и все большим отставанием в научно-технической сфере и производительности общественного труда. Образование множества новых государств после войны привело к дроблению европейского рынка, выход из системы европейских экономических связей большевистской России разрушило многие традиционные хозяйственные связи. Поэтому сторонники европейской интеграции в своем Манифесте 1924 г. констатировали, что наряду с разрушительной войной и покорением Европы Россией, «третья смертельная опасность для Европы это экономическая катастрофа. Никогда раздробленная экономика разобщенных государств Европы не сможет быть конкурентоспособной против единой экономики Соединенных Штатов Америки. Ибо европейские таможенные барьеры препятствуют

росту производства и удорожают его. Европейские хозяйственные парцеллы также обречены в будущем на подавление внеевропейскими экономическими империями Америки, Британии, России и Восточной Азии – как мелкие лавочки обречены на подавление трестами» [24, с. 112].

После первой мировой войны началась также культурная экспансия США в Европу. Сначала она происходила в форме увлекательного и взаимно обогащающего диалога культур. Гертруда Стайн, Эзра Паунд, Эрнест Хемингуэй, Скотт Фицджеральд, Генри Миллер и многие другие – это было подлинное культурное паломничество американцев в Европу. Английский писатель Форд Мэдокс Форд с восторгом вспоминал: «Удивительное это было время в Париже. Молодая американская литература, сейчас всеми признанная и прославленная, тогда еще только нарождалась. И что это были за роды. Молодая Америка, снявшись с простора прерий, ринулась в Париж. Они ворвались с остервенением жеребят, которых выпустили из выгопанного загона на зеленое пастбище. Их топот заглушал все звуки. Их рослые фигуры заслоняли деревья парижских бульваров. От их непрерывного движения рябило в глазах» [25, с. 70].

Уставшие от ужасов войны и истосковавшиеся за развлечениями европейцы с восторгом восприняли демократическую и доступную всем слоям общества американскую культуру. Они открыли для себя музыку джаза и голливудские фильмы, с упоением танцевали чарльстон, шимми и уанстеп, изумлялись эротической откровенности пантомимы танцовщицы из Бродвея Джозефины Бейкер. Всеобщим любимцем европейцев стал Чарли Чаплин. Как писал в 1937 г. О.Мандельштам:

*А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли –
В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей.*

Но эти первые проявления «завоевания» Европы американской культурой уже в то время начали вызывать и тревогу. Французский писатель Жорж Дюамель предупреждал, что американизм во многом чужд духу, традициям и содержанию европейской культуры, способен подорвать ее основы и привести к потере европейской культурной самобытности, а следовательно и самой европейской идентичности. Несколько позже и по сей день эта проблема станет головной болью Европы, пытающейся выстоять перед засильем «массовой культуры» и противостоять американской гегемонии. Совершенно прав был американский политолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский, когда писал в книге «Между двух эпох: американ-

ская роль в технотронную эру»: «Если Рим дал миру право, Англия – парламентскую деятельность, а Франция – культуру и республиканский национализм, то современные Соединенные Штаты Америки дали миру научно-технический прогресс и «массовую культуру» [26, с. 33].

Если до первой мировой войны *осознание* надвигающегося кризиса Европы было уделом относительно небольшого числа интеллектуалов, то после нее *понимание* происходящей исторической драмы стало всеобщим. Начиная с первых послевоенных лет, на умы европейцев обрушился шквал самых мрачных прогнозов. Характерно само название распространенных тогда публикаций: «Европа над бездной», «Куда идет Франция? Куда идет Европа?», «Агония Европы» и т.д. [27].

Наиболее обобщенно предстоящая неизбежная гибель европейской цивилизации была обоснована немецким философом Освальдом Шпенглером в его сенсационной книге «Закат Европы» (май 1918). Современник Шпенглера французский историк Люсьен Февр отмечал: «Помню прилавки рейнских книжных магазинов, заваленных внушительными кипами этих in-octavo (формат издания в 1/8 листа, получаемый в тригиба – В.П.): они таяли, как снег на солнце. В несколько недель имя Освальда Шпенглера стало знаменитым во всем германском мире, а книга его обрела такой успех, какого не имело в Германии ни одно историко-философское сочинение... Нет, успех не то слово: книга эта была встречена как некое откровение» [28, с. 73]. Только в 1921-1925 гг. в одной Германии было опубликовано 35 работ о Шпенглере и его книге, которая открыла духовные врата XX века [29].

Казалось бы, с точки зрения современного маркетинга, Шпенглер уловил послевоенную конъюнктуру и «выдал продукт», который на языке современной массовой культуры называется «бестселлером». Но это было иное время, когда не коммерческий успех, а творческое вдохновение и научное прозрение вдохновляли личность на поступок и создавали ей не рекламную, а подлинно культурную значимость. Поэтому «роман о Европе» был задуман в 1911 г. в связи с т.н. вторым марокканским кризисом, когда немецкая канонерка «Пантера» продемонстрировала интересы Германии в Африке, чем едва не спровоцировала мировую войну. В этом, сегодня уже забытом эпизоде европейской истории, столь же сигнатурном (знаковом), как таинственное слово «Фашода», великий европейский мыслитель увидел сигнал приближающейся катастрофы и в течение шести лет создавал свое грандиозное и спорное произведение.

На основе огромного культурно-исторического материала, масштабность которого можно срав-

нить разве что с эрудицией Арнольда Тойнби в научно-исторической эпопее «Постижение истории», Шпенглер сделал вывод о том, что западное общество находится в состоянии предсмертной агонии и предсказал Европе неминуемую участь многих других цивилизаций, которые прошли свой цикл существования и ушли в небытие.

Такое апокалиптическое видение будущего Европы вело или к капитуляции человека перед исторической фатальностью, или к тоталитарной фашистско-коммунистической альтернативе. Не случайно фашизм блестяще использовал, особенно на начальных стадиях своего развития, гениальные прозрения Ницше и Шпенглера, присвоив их имена и фальсифицировав идеи подобно тому, как иное политическое течение монополизировало Маркса.

Но в том то и состоит одно из главных качеств европейской цивилизации, что сомнение и критика составляют образ мышления ее народов, основу динамичного развития этого континента. Возрождение, Реформация, Просвещение – эти культурные и социально-политические катаклизмы вели к радикальному разрыву с прошлым, знаменовали собой глубочайшую ревизию существующей системы ценностей, изменение многих привычных форм жизни. И каждый раз эти потрясения заканчивались не катастрофой, а самообновлением, восстановлением нарушенных связей, позитивными, конструктивными выводами из полученного исторического опыта.

Именно под таким углом зрения циклического обновления рассматривал кризис западной цивилизации в XX веке русско-американский социолог Питирим Сорокин. Он исходил из того, что если какое-либо общество не способно осуществить переход на новые пути своего развития, более адекватные складывающейся реальности, оно обречено или погибнуть, или загнивать и вести полуживое существование. В отличие от Шпенглера Сорокин считал, что «настоящий кризис не есть предсмертная агония западной культуры и общества, то есть кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования... Нет единого закона, согласно которому каждая культура проходила бы стадии детства, зрелости и смерти... вопреки диагнозу шпенглерянцев, их (культуры и общества – В.П.) мнимая смертная агония была не чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил...» [30, с. 432-433]. Согласно данной точке зрения, Запад не просто столкнулся с очередными политическими и экономическими катаклизмами, *главный вопрос эпохи* состоит не в борьбе капитализма и коммунизма, демократии и тоталитаризма, национализма и интернационализма – все это лишь

симптомы происходящих глубоких цивилизационных изменений. Они затронули фундаментальные основы жизни: мораль, религию, культуру, философию, науку, в которых происходит «переоценка всех ценностей».

Таким образом, время нового возрождения европейской идеи в XX веке отмечено глубоким кризисом Европы, который был окончательно высвечен первой мировой войной и продолжал углубляться в последующие десятилетия. В этой тревожной атмосфере мучительных раздумий и поисков ответов на практические и философские вопросы своей эпохи, ценой тяжелого жизненного опыта первой половины XX века происходило становление того выдающегося поколения интеллектуалов и политиков, которое заложило основы современной Европы. Рихард Куденхове – Калерги (родился в 1894 г.), Жан Монне – в 1888, Робер Шуман – в 1886, Альтьеро Спинелли – 1907, Де Гаспери – 1881, Уинстон Черчилль – 1874, Хенрик Брюгманс – 1906, Поль Спаак – 1898 и т. д. Они были представителями различных стран и в своей деятельности руководствовались интересами национальных государств. Но, в то же время, они смогли подняться выше «священных национальных эгоизмов», переосмыслить те принципы международных отношений, которые толкнули их народы к катастрофам 1914 и 1939 гг. и начать действовать с позиций общеевропейских интересов.

Вновь подтвердилась истинность правила: чтобы добиться успеха в частном вопросе, нужно вдохновляться высокими идеалами и стремиться к подлинным ценностям. Для «отцов» современной Европы это было преодоление состояния «заката» европейской цивилизации, обеспечение народам континента исторического будущего. Ограничение изучения процесса европейской интеграции экономическими, политическими и международными аспектами не могут позволить в полной мере понять и оценить **что, как и во имя чего** сделали эти люди.

Их пример должен был бы вдохновлять современную интеллектуальную и политическую элиту Европы на ответы цивилизационным вызовам начала XXI века. Одним из примеров может служить проблема афро-азиатской иммиграции, которая подтачивает основы европейской цивилизационной идентичности и уже явилась причиной – поводом серьезных политических разногласий в Европейском Союзе.

Показательным примером служит реакция европейского бомонда на отчаянные и резкие заявления по этой проблеме. Речь идет только о выступлениях, содержащихся в трех публикациях: Жан Распай «Лагерь святош» (1973), Ориана Фаллачи «Ярость и гордость» (2001) и Тило Саррацин «Гер-

мания. Самоликвидация» (2010). Признавая проблему в целом, правящая Европа ответила обвинением авторов в нарушении «священного» принципа толерантности и политкорректности.

Все более очевидным становится тот факт, что европейская цивилизация (ограничено – ЕС) обременена, главным образом, не своими разного рода проблемами, а отсутствием адекватных ответов на вызовы времени, в том числе и украинского. Это обусловлено, на наш взгляд, *качественно* европейского правящего класса, в котором на смену подлинным лидерам пришли национальные чиновники и евробюрократы.

Литература:

1. Горген Д. Новое столетие уже манит нас / Д. Горген // Известия. – 25 ноября 1995.
2. Открытие мира юношеством. Серия "Взбудораженная Европа". – М.:Терра, 1995. – 1536 с.
3. Норден Д. Итоги XIX века. Пер. с нем. Эл. Зауер / Д. Норден. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. – 136 с.
4. Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы : Эволюция партий и политических форм : С прил. портретов выдающ. полит. деятелей (1814-1896) / Ш. Сеньобос; Пер. с фр. под ред. В. Поссе. – Санкт-Петербург: Тип. Е.А. Евдокимова. – Т. 1. – 1898. – XIII, 350, X с. : 24 портр.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Соч. в двух томах. Т.2. / Ф. Ницше – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
6. Ницше Ф. Эссе Номо. Соч. в двух томах. Т.2. / Ф. Ницше – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
7. Нордау М. Вырождение. Современные французы. / М. Нордау. – М.: Республика, 1995. – 399 с.
8. Ахиезер А. С. и др. Урбанизация, общество и нтр / А. С. Ахиезер // Вопросы философии.- 1969. – № 2.
9. Нордау М. Вырождение. Современные французы / М. Нордау. – М.: Республика, 1995. – 399 с.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – СПб.: Н. П. Карбасникова, 1912. – 399 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 3.
12. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. первая и вторая / И. Эренбург. – М.: Советский писатель, 1961.
13. Гамсун К. Собр. соч. в 6 тт. / К. Гамсун. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1991. – 580 с.
14. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т.1. / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.
15. Renouvin Pierre. La crise européenne et la première guerre mondiale (1904 – 1918) / Renouvin Pierre. – P., 1969.
16. Renouvin Pierre. La crise européenne et la première guerre mondiale (1904 – 1918) / Renouvin Pierre. – P., 1969.
17. История Европы. – М.: Просвещение, 1996. – 381 с.
18. Renouvin Pierre. La crise européenne et la première guerre mondiale (1904 – 1918) / Renouvin Pierre. – P., 1969.
19. Трельч Э. Историзм и его проблемы./ Э. Трельч. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.
20. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи. / Л.-Ф. Селин. – Кишинев: Lxul-Z., 1995. – 446 с.

21. Duroselle. J.- B. L'Europe de 1815 à nos jours. Vie politique et relations internationales. / J.- B. Duroselle. – P.: Presses universitaires de France, 1967. – 399 p.

22. Histoir générale de l'Europe. – P., 1980. Т.3. L'Europe de 1789 à nos jours. L. III. L'Europe de 1914 à nos jours, p. 345.

23. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора. / Дж. Кейнс. – М.: ГИЗ, 1922. – 168 с.

24. Европейский Манифест. 1 мая 1924 г. // Европейский альманах. История. Традиции. Культура / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 1991. – С. 111-119.

25. Кашкин И. Эрнест Хемингуэй. Историко-биографический очерк / И. Кашкин. – М.: Художественная литература, 1966. – 296 с.

26. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era./ Z. Brzezinski. – N.Y., 1970. – 123 p.

27. Нитти Ф. Европа над бездной / Ф. Нитти. – Петроград, 1923; Кайо Ж. Куда идет Франция? Куда и идет Европа? / Ж. Кайо. – М.-П., 1923; Lebon E. Agonie de l'Europe / E. Lebon. – Nancy, 1937.

28. Февр Л. От Шпенглера к Тойнби / Л. Февр // Февр Л. Бои за историю. – М., 1991. – 629 с.

29. Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880 – 1936) / А. И. Патрушев // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3. – С. 122-144.

30. Сорокин П. Кризис нашего времени / П. Сорокин // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: И-во полит. литературы, 1992. – 543 с.

Пищемуха В.Г. Метаморфози Європи (До 100 – річчя виходу книги Освальда Шпенглера «Сутінки Європи») – Стаття.

Анотація. У статті розглянуті тенденції розвитку європейської цивілізації на рубежі XIX – XX ст.ст., які склали історичні та духовні витоки книги О. Шпенглера. Разом з тим, текст цієї статті може бути матеріалом для алюзій відносно сучасного стану Європи.

Ключові слова: європейська цивілізація, відчуження, масове суспільство, перша світова війна, алармізм, європейська інтеграція, історичні аналогії.

Pischemukha V.G. Metamorphoses of Europe (The centenary of Oswald Spengler's «The Decline of the West» publication – Article.

Summary. The article considers the European civilization development tendencies at the turn of the XIX-XX centuries that formed the historical and cultural background of Oswald Spengler's book. However, the text of this article provides material for allusions concerning the current state of Europe.

Keywords: European civilization, alienation, mass society, World War I, alarmism, European integration, historical analogies.